

УДК 008

DOI: 10.17223/22220836/40/8

И.В. Леонов, В.Л. Соловьева, Д. Халльбек

«ГЕШТАЛЬТКУЛЬТУРОЛОГИЯ»: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СТАТУС И ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена очерчиванию предметных рамок и концептуализации гештальт-культурологии как самостоятельного научного направления. Основу данного направления составляют труды О. Шпенглера, ориентированные на органицистский подход Гёте, а также работа Х. фон Эренфельса, ставшая своеобразным фундаментом для оформления гештальтпсихологии. Отдельное внимание уделено трудам Г.Д. Гачева, работавшего в шпенглеровской традиции и создавшего серию книг, посвященную раскрытию специфики «национальных образов мира». В тексте затронуты авторские концепты и основные научные сферы, касающиеся предметного поля гештальт-культурологии, среди которых выделяется теория социокультурной динамики П.А. Сорокина, культурно-историческая психология, культурно-интеллектуальная история, когнитивная культурология и т.д. Уделено внимание перспективам развития гештальткультурологии в современной науке. Затронута проблема адекватного перевода научного термина «гештальт» на русский язык.

Ключевые слова: гештальт, гештальткультурология, гештальтпсихология, культурный организм, национальные образы мира, когнитивные исследования, культурно-интеллектуальная история.

В современном научном обиходе термин «гештальт» и область его применения ассоциируются, в первую очередь, с гештальтпсихологией и психотерапией (в частности, с гештальттерапией, связанной с гештальтпсихологией лишь частично), а также со сферой нейронауки и когнитивистики. Тем не менее предметный диапазон гештальтисследований несколько шире указанного и дополняется их локализациями не только в пространстве психологии и когнитивных наук, но и в других областях точного и гуманитарного знания, включая российскую культурологию и западные *cultural studies*, искусствоведение, этнологию, фольклористику и некоторые другие дисциплины и «проблемные поля», при высокой степени их взаимопересечений с психолого-когнитивным комплексом. Исходя из указанной ситуации, особую актуальность получает разработка научных локализаций гештальтисследований на предмет их специфики и междисциплинарных связей.

Одной из наук, в которой исследования гештальта концептуализированы, разработаны и представляют отдельное направление с вековой историей, является культурология, а начало исследований в данной сфере связано с именем О. Шпенглера, автора двухтомника «Закат Европы», изданного в 1918 г.

Характеризуя вклад О. Шпенглера в становление *гештальткультурологии*, необходимо указать на одно важное обстоятельство, связанное с упрощенными трактовками его наследия в сфере научно-популярного знания и даже современной науки. Дело в том, что Шпенглер нередко преподносится лишь как самобытный историк, критиковавший идеи европоцентризма и создавший в противовес им оригинальную и достаточно ясную теорию, трактовующую исторический процесс в контексте жизненных циклов слабо связан-

ных между собой и сменяющих друг друга «культурных организмов». Перенеся отмеченную логику на развитие культуры Запада и констатируя его духовную истощенность и грядущий «закат», Шпенглер, во многом проигнорировав научную традицию своего времени, шокировал современников нетрадиционностью своего подхода и неожиданностью выводов. Однако данное обстоятельство, по сути, оттенило другие теоретико-методологические изыскания О. Шпенглера в области гештальтисследований.

Переходя к анализу достижений немецкого ученого в рассматриваемой сфере, необходимо выделить несколько аспектов. Во-первых, Шпенглер расширил масштаб проявления изучаемых когнитивных гештальтов до уровня картин мира, включив в круг их «носителей» философию, науку, мифологию, религию и другие познавательные практики различных культурных организмов; во-вторых, обогатил смысловую нагрузку «гештальта» как научного термина; в-третьих, концептуализировал и разработал данную область исследований в сфере науки о культуре; в-четвертых, внес вклад в оформление гештальтисследований на междисциплинарном уровне.

Характеризуя данные аспекты более подробно, отметим, что О. Шпенглер, изучая природу различных культур, особый акцент делал на сфере познания (включая вопросы воображения), имеющей в каждой культуре уникальные черты. Данная уникальность, обусловленная множеством внутренних и внешних факторов, связанных с жизнедеятельностью культурных организмов, выражается в наличии у них специфических гештальтов (в оригинале авторского текста буквально «Gestalt», нем.), т.е. «когнитивных призм» мировоззренческого уровня, особым образом преломляющих реальность для представителей той или иной культуры. В данном случае Шпенглер исходил из того, что, помимо врожденных качеств, в основе всякого мышления лежит «...необходимость формы, которой человек со всей самоочевидностью подчинен именно как *член этой вот, и никакой иной, культуры*» [1. С. 250]. Кроме того, гештальт, который создает некая культура, реализуя собственный прасимвол, оказывает влияние не только на восприятие реальности и ее переживание, но и на выступающие своеобразными символами этой культуры продукты деятельности [2] в самых разных областях, включая философию, науку, мифы, религию, искусство, технические изобретения, обряды, ритуалы, политику, экономику, идеологию и т.д. Отталкиваясь от данной теоретико-методологической установки и погружаясь в пространство основных культурных организмов, Шпенглер раскрыл их внутреннюю природу и продукты деятельности как логичные и взаимосвязанные. В результате в работе автора когнитивные гештальты стали основой для изучения богатой феноменологии культурных организмов как бы «изнутри», с позиции тех, кто в них жил и творил в их историко-культурном контексте. Данный подход позволил Шпенглеру выйти за рамки непонимания между разными культурами, обусловленного господством западноевропейского гештальта и связанных с ним познавательных практик, как правило, ведущих к напряженности и конфликтам во взаимодействии между культурами.

Необходимо отметить, что изучению указанных аспектов с той или иной степенью насыщенности посвящен практически весь текст «Заката Европы». Однако в интерпретации данного труда установились отмеченные выше «пе-

рекосы», нивелирующие и даже скрывающие идеи Шпенглера, касающиеся исследований когнитивных гештальтов культур и презентующие его исключительно как историка-органициста. Отмеченная позиция прочно укрепилась в словарях и энциклопедиях, проникнув также и во многие учебники. Среди причин данной тенденции можно назвать сложность самого текста «Заката Европы», структура которого составлена не по принципу последовательного анализа гештальта той или иной культуры, а по принципу сопоставления отдельных сфер и аспектов многих культурных организмов с разной степенью их сравнительного анализа. За данными интеллектуальными «перемещениями» и «переключениями» с одного гештальта на другой читатель может следить вполне успешно, однако основательную картину того или иного гештальта при таком изложении материала сформировать достаточно трудно. Другой причиной является то, что О. Шпенглер, борясь с европоцентристским гештальтом и провозгласив право представителей разных культур смотреть на мир (и на историю) по-своему, пытался дискредитировать и вытеснить европоцентризм за «обочину науки», настойчиво продвигая свою версию истории, которую считал «единственно верной» и «исчерпывающей». Как следствие, в оценках научного наследия автора выбор был сделан не в пользу изучения способности культур смотреть на мир по-разному, а в пользу предложенного им гештальта, а также идеи грядущей гибели западного мира. Последняя особенно сильно будоражила сознание обывателей начала XX в., породив целый пласт упрощенных и адаптированных для массового восприятия трактовок «Заката Европы», глубоко засевших в научно-популярной, учебной и даже научной литературе.

Итак, исходя из того, что специфика познания во многом определяется когнитивными гештальтами, представляющими собой целостные «образы» реальности, возникающие в обязательном порядке в ходе ее освоения человеком, Шпенглер распространил сферу их проявлений на уровень картин мира, а также на частные познавательные практики различных культур. Процесс морфогенеза данных гештальтов, по мнению О. Шпенглера, носит поливариативный характер и находится в высокой степени обусловленности субъективными аспектами восприятия, мышления и познания в целом. Показательно, что ученый, анализируя природу гештальтов, отмечал, что они «...вовсе не обязательно являются *действительностью*», так как «различен лишь глаз, в котором и через который осуществляется этот мир» [1. С. 163]. В результате в теории Шпенглера картины мира культурных организмов, в «силовое поле» которых логично встраиваются гештальты частного уровня, предстали как своеобразные «маркеры» культур, определяющие весь их строй. Данный исследовательский аспект стал для немецкого ученого одним из ключевых.

Анализируя образы мира, возникающие в рамках различных культур, Шпенглер исходил из того, что на самом общем уровне реальность воспринимается человеком с позиции двух познавательных акцентов. Согласно первому из них мир предстает в исторически изменяющихся формах и длительных временных проекциях. Согласно второму мир преимущественно статичен и в большей степени воспринимается непосредственно, здесь и сейчас. Данные ракурсы, встречаемые в «чистом виде» не часто и, как правило, сопричастующие в разных пропорциях во всех картинах мира, Шпенглер именует соответственно «мир-как-история» и «мир-как-природа». Гештальты

мира-как-истории представляют собой наиболее типичную и изначальную форму мира, свойственную культурным организмам, а их морфогенез осуществляется порой сам собой и при слабом уровне рефлексии этого процесса. В свою очередь способность формировать гештальты мира-как-природы трактуется О. Шпенглером как достаточно редкий способ «схватывания» действительности, наблюдаемый в среде городов на поздних (и даже «старческих») этапах жизненного цикла некоторых культур. Отмеченная диспозиция легла в основу осуществленного Шпенглером анализа гештальтов различных культурных организмов.

В частности, в сферу действия гештальта мира-как-истории ученый относит культуры Древнего Египта, Китая, Европы. С другой стороны, акцент на мир-как-природу характерен для культуры Древней Греции и Рима, арабов и индусов. Например, в античном гештальте доминировал акцент на статику и «чистое» пространство в виде «покоящейся близости», а память о прошлом практически не содержала упорядочивающие перспективы, уступая место «абсолютному настоящему». Исходя из того, что понятие «универсальная история» было для эллинов просто невозможным, а время как однонаправленный процесс они не воспринимали, О. Шпенглер заключает, что греков и римлян практически не волновали вопросы «откуда?» и «куда?». Вследствие того, что их историческая память явно оттенялась практическим опытом, прошлое воспринималось ими, скорее, как вневременная непериодическая структура, представляющая собой ряд «пластических частностей», формирующих обобщенный образ ушедших времен. Обоснование данной интерпретации мира О. Шпенглер обнаруживает в противоположном египетскому обряду мумификации – сожжении мертвых; в мифотворчестве греков и римлян как форме их памяти; в математике конечных величин, основанной на отражении статического начала абстрактного; в полностью замкнутой на текущем моменте точечной геометрии; в стереометрии двухмерных плоскостей; в физике покоящихся тел; в основанном на «трагедии мгновений» статичном и вневременном искусстве; в сиюминутности и эротизме античной культуры, направленной на «смакование момента», и т.д.

Кроме того, аналогичный арсенал физиогномических результатов деятельности представителей различных культурных организмов Шпенглер использовал не только в рамках анализа диспозиции «мир-как-природа» и «мир-как-история», но и как основу для анализа их уникальных гештальтов в целом. Осуществляя данную работу, ученый фиксировал «первообразы» и «прасимволы», являющие собой стержневые структуры, устойчиво сохраняемые на протяжении всего морфогенеза гештальтов. Как следствие, по прочтении двухтомника читатель может попытаться взглянуть на мир так, как его видели и переживали греки, римляне, индусы, европейцы и т.д. Однако в рассматриваемом контексте необходимо напомнить о рассредоточенности информации о тех или иных гештальтах в тексте Шпенглера, что делает их целостное восприятие достаточно трудным, и что работа по упорядочению и систематизации «образов мира», представленных в «Закате Европы», будучи обозначена известным российским культурологом С.Н. Иконниковой еще семнадцать лет назад, до сих пор не завершена, что добавляет стимулов к научной разработке данного вопроса [3. С. 156].

Таким образом, О. Шпенглер провозгласил новое направление исследований, сосредоточенное на сравнительном изучении гештальтов мира различных культур, к наименованию которого вполне применим термин «гештальткультурология».

Переходя к рассмотрению вклада О. Шпенглера в обогащение смысловой нагрузки гештальта как научного термина, способствовавшего концептуализации данной области исследований в сфере наук о культуре, необходимо сделать некоторое хронологическое отступление, а также затронуть сферу гештальтпсихологии, оформившейся всего на шесть лет раньше выхода «Заката Европы».

Говоря о термине, необходимо указать, что немецкое слово *Gestalt* имеет достаточно сложную смысловую нагрузку, от толкования которой зависит характер его научного применения. Так, «*Gestalt*» одним из первых в своих научных работах в начале XIX в. использовал Гёте применительно к анализу морфологии живых и растительных форм. Ученый считал, что существовавшая ко времени его жизни смысловая составляющая гештальта, используемая в немецком языке для фиксации «...комплекса проявлений бытия какого-нибудь реального существа...» [4. С. 11], слишком узкая и характеризуется отрешенностью от всего подвижного и статичностью, а также акцентом на законченное и прочное установление частей в составе целого. В итоге Гёте представил данное смысловое содержание как ограниченное и несостоятельное по причине отсутствия в нем каких-либо факторов изменчивости бытия организмов, указывая, что «...если мы будем рассматривать все формы, особенно органические, то найдем, что нигде нет ничего устойчивого, ничего покоящегося, законченного» [Там же. С. 12]. Преодолевая отмеченную смысловую ограниченность слова «*Gestalt*», Гёте соотнес с ним слово «*Bildung*» [5. S. IX], применяемое в немецком языке «...как в отношении к чему-либо возникшему, так и к еще возникающему» [4. С. 12]. В результате совмещения отмеченных смысловых компонент, а именно статичной и динамичной составляющей, Гёте получил смысловую нагрузку, ставшую основой его концепции развития живых форм. Тем не менее после смерти Гёте критикуемая им статичная коннотация слова гештальт как «вида, наружности, образа, формы, фигуры и очертания» так и осталась доминирующей в обыденном и научном знании [6. С. 594; 7. Р. 201]. И лишь спустя столетие, в теории О. Шпенглера обозначилась тенденция отождествления гештальта с его гётевской интерпретацией без отсылок к слову *Bildung*. Как следствие гештальт в интерпретации О. Шпенглера стал означать *целостность бытия «организма» в его изменениях и развитии*. Показательно, что в данном случае взгляды Шпенглера, как и Гете и Гердера, основывались не только на простых биологических аналогиях (хотя таковые и не исключались), но и на идее *холизма*, т.е. на понимании «организма» как организованного единства частей целого, воплощаемого как в природе, так и в культуре.

Далее необходимо упомянуть знаковую, но до сих пор не переведенную на русский язык работу Х. фон Эренфельса, опубликованную в 1890 г. и названную «О „гештальт-качествах“» [8], в которой было положено начало процессу распространения смыслового содержания термина «гештальт», закрепившегося в области психологии и отражающего целостность восприятия звуковых, визуальных и иных форм. В работе исследователь писал о суще-

ствовании синтеза восприятия частей, который добавлял нечто новое по отношению к отдельным частям, воспринимаемым человеком, а также о том, что этот синтез одновременно держится в сознании, независимо от того, что части (например, в мелодии) не воспринимаются одновременно. В данном случае речь идет о способе восприятия, который, согласно мнению М. Вертгеймера, в своей основе отталкивается «...не от элементов и частных отношений между ними, не от анализа к последующему синтезу через связывание элементов в большие комплексы» [9. С. 147], а от того, что в познаваемой сфере существуют связи другого типа, «...при которых то, что происходит в целом, не выводится из элементов, существующих якобы в виде отдельных кусков, связываемых потом вместе, а, напротив, то, что проявляется в отдельной части этого целого, определяется внутренним структурным законом всего этого целого» [Там же]. В результате распространения идей Эренфельса, направленных на изучение «гештальткачеств», в десятилетия и двадцатые годы XX в. термин «гештальт» стал набирать научную популярность, в первую очередь, в области психологии. Итогом этого стало оформление гештальтпсихологии как самостоятельной сферы исследований. Тем не менее необходимо указать, что идеи Эренфельса не имели принципиального ограничения сферой психологии и вполне могли найти применение и развитие в различных областях знания, включая область исследования сложных культурообусловленных гештальтов, иллюстрирующих собой «гештальт-качества *высшего порядка*» [8. S. 278–281].

В рассматриваемом вопросе показательно, что еще в начале XX в. О. Шпенглером была написана не сохранившаяся до наших дней и упоминаемая многими его биографами работа «Развитие зрительного органа на высших стадиях животного царства» («Die Entwicklung des Sehorgans bei den Hauptstufen des Tierreiches») [10. S. 68], которую он защитил 6 апреля 1904 г. в рамках государственного экзамена (Staatsexamen), дающего право на преподавание в гимназии. Название данной работы свидетельствует о его интересе к вопросам визуального восприятия и изначальной близости гештальт-исследований, осуществляемых в пространстве психологии и наук о культуре. О ее характере мы можем судить по дискуссии профессора Мартина Бартелса со Шпенглером в переписке 1931 г. по поводу содержания книги «Человек и техника». Речь шла о фрагменте, где Шпенглер указывал на определяющую роль стереоскопического зрения в развитии высших хищников (как и человека), задающего цели и способного «фиксироваться» на них, выделяя эти цели из общего окружения. Такое зрение раскрыло перед человеком мир как «образ», основанный не только на свете и цвете, но и на перспективе, пространстве, движении и позиционируемых предметах [11. С. 462–463]. В результате отмеченные качества зрения содействовали развитию когнитивных и телесных способностей человека. Однако, по мнению Бартелса, Шпенглер ошибался, утверждая, что только хищники (и человек) способны своими глазами «фиксировать» вещи и их перспективно воспринимать [12. S. 644–646]. На что Шпенглер отвечает, что он долго занимается этими вопросами и что им написана работа про глаза позвоночных, а в книге «Человек и техника» он слишком кратко охарактеризовал способность хищников «схватывать» предметы стереоскопическим зрением независимо от движения глазных мышц [Ibid. S. 646]. В данной переписке интерес пред-

ставляют не ее детали, а указание Шпенглера на явное соответствие идей относительно зрения, содержащихся в работе «Человек и техника», с работой 1904 г., где они были развиты более подробно (что, к слову, на 8 лет опережает работу М. Вертгеймера «Экспериментальные исследования восприятия движения» (1912), посвященную исследованию эффекта «фи-феномена»).

На фундаментальном уровне идея о связанности специфики мышления человека с особенностями зрения и восприятия пространства была последовательно разработана Шпенглером в первой главе второго тома «Заката Европы». В частности, анализируя появление глаза, ученый пишет, что «... жизнь как действительность с этого момента и впредь охвачена светом и к нему приобщена. Вот чудо, на котором базируется все прочее, что связано с человеком» [13. С. 9]. В отмеченной главе разворачивается логическая цепочка рассуждений ученого о генезисе человека, вследствие обладания особым зрением и соответствующими данному зрению изменениями тела, развитием мыслительных способностей, приведшим к возникновению культуры. Кроме того, интерес Шпенглера к особенностям зрения хищников и человека, раскрываемый в обозначенном ключе, отражен в опубликованных посмертно «фрагментах» его наследия («Urfragen: Fragmente aus dem Nachlass») [14. S. 15].

Что касается вопроса знакомства Шпенглера с работой Эренфельса, то в настоящее время он остается открытым при высокой вероятности того, что Шпенглер эту работу не знал, поскольку немецкий «историк-затворник» не был склонен воспринимать современную научно-философскую традицию, как он сам утверждал, за исключением работ Гёте и Ницше. Тем не менее идеи гештальтисследований пронизывали научную среду рубежа веков не только в связи с работой Эренфельса, привлекая внимание многих ученых. Здесь, опять же достаточно упомянуть органицистский подход Гёте и Гердера.

Обобщая вклад Шпенглера в изучаемую область, необходимо выделить осуществленный им перенос идей Гёте о морфогенезе и исторической изменчивости гештальтов на когнитивную сферу, а также расширение масштабов изучаемых гештальтов – от отдельного человека до уровня культур, включая иерархии соподчиненности между ними, что позволило вывести данную проблематику за рамки сугубо психологических аспектов восприятия и мышления. Кроме того, Шпенглер включил в проблемное поле гештальтисследований не только названные психологические аспекты, но также сферу искусства, философии, науки, характера, глубинных ментальных структур и другие компоненты, участвующие в морфогенезе когнитивных гештальтов. Наконец, необходимо указать на то, что Шпенглер внес вклад в оформление гештальтисследований не только в сфере науки о культуре, но и на междисциплинарном уровне, генерируя для этих целей научный арсенал историософии, истории, искусствоведения, истории науки и техники, психологии, математики и других сфер знания.

Еще одним ярким ученым, чьи работы можно отнести к области гештальтисследований, является советский и российский культуролог Г.Д. Гачев. Речь идет о серии его трудов, созданных в течение нескольких десятилетий и объединенных общим названием «Национальные образы мира» [15, 16], в которых ученый раскрыл специфику картин мира, *а по сути – гештальтов различных культур*, преломляющих реальность в сознании их

представителей. Делалось это посредством «погружения» исследователя в пространство той или иной культуры на 2–3 года с целью проникновения в ее когнитивные структуры. Показательно, что к настоящему времени терминологическое отождествление «картин мира» с «субъективными образами-гештальтами объективного мира» стало сложившейся научной практикой [17. С. 15].

В первую очередь обращает на себя внимание то, что образы мира описываются Гачевым не просто с точки зрения их богатой и неповторимой феноменологии, – ученого, прежде всего, интересуют их уникальность и целостность, а также глубинные органические связи с разными гранями реальности. В трудах Гачева раскрывается созвучие «образов мира» с особенностями природы и обитающих в ее пространстве народов; с культурой, которую эти народы создают; со специфическими чертами национальных характеров и складов мышления, формируемых на протяжении истории. При таком подходе любой образ мира предстает как организованная целостность, логично соответствующая создавшей ее культуре.

Будучи специалистом в области литературы и лингвистики, философии, технических наук, культуриологии и других областей знания, для построения гештальтов различных культур Гачев использовал исходный материал, не менее богатый, чем у Шпенглера, начиная с анализа фонем, синтаксиса, фольклора, литературы, искусства и заканчивая открытиями в области химии и физики. Причем сам ученый сравнивал себя со Шпенглером, отмечая, что работает в его стиле.

Несомненным достоинством представленных трудов является то, что Гачев, исходя из наличия инварианта всех картин мира, сформулировал их обобщенную матрицу или параметры, ставшие основой для сравнительного анализа данных гештальтов. Это позволило ему избежать явного крена в сферу несистематизированной и разномасштабной описательности изучаемого материала.

Одним из устойчивых параметров образов мира является акцент либо на пространство, либо на время. По аналогии со шпенглеровскими миром-как-природой и миром-как-историей Гачев разделяет культуры на живущие в широких временных проекциях и культуры, пребывающие в состоянии пространственного покоя. Соответственно, акцент на пространство рождает недооценку времени, и наоборот. Обращает на себя внимание тот факт, что, выделяя образы культур, ориентированные либо на пространство (Россия), либо на время (Германия), Гачев фиксирует гештальты, сочетающие в себе и то и другое (США).

Другим универсальным параметром является акцент на горизонтальное или вертикальное измерение в восприятии пространства. В данном случае явный горизонтальный приоритет Гачев отводит российскому гештальту, отраженному в протяжных гласных, горизонтальности русской равнины, таких выражениях, как «широкая душа», пространстве малоэтажных русских городов и т.д. В свою очередь, вертикальное измерение Гачев делит на две разновидности – стремящееся вверх и стремящееся вниз (Германия и Италия соответственно).

Еще одной типологической чертой мировоззрения разных культур является понимание мира как созданного усилиями Демиурга («ургия») и воз-

нического в результате естественного соединения противоположных начал («гония»). Последнее свойственно для картин мира традиционных культур, полностью вписанных в природно-климатические циклы, а ургия – для инновационных культур, ориентированных на раскрытие творческих способностей личности.

Далее следует упомянуть такой аспект мировоззренческих гештальтов, как доминанта мужской и женской составляющей. Здесь Гачев опирается на критерии мужского или женского рода в наименовании столиц, рек, земли или территории; на доминанту мужских или женских образов в отражении различных сфер духовной и художественной жизни; на стратегии ведения войн и др. Россия в таком прочтении репрезентуется через женский гештальт, раскрываемый через Москву, Волгу, образ матери, Родину-Мать, Мать-Сыру Землю, Богородицу с младенцем и т.д. В свою очередь, мужской гештальт Германии получает выражение через мужской род столицы и самой значимой реки страны (Берлин и Рейн), через выражение «отцова земля», доминанту образов Иисуса на кресте и т.д.

Наконец, внимания заслуживает фиксация Гачевым зрительных образов-символов, отражающих природу мировоззренческих гештальтов культур. Так, обобщающим визуальным выражением образа мира греков является сфера; образ мира итальянцев выражается через купол; у немцев – через готическую ель; у французов – через декартову систему координат; у англичан – через остов строящегося корабля; у евреев – через минору; у русских – через уходящую вдаль дорогу, т.е. через однонаправленную бесконечность, и т.д.

Завершая перечисление параметров образов мира, отметим, что их перечень, содержащийся в трудах Шпенглера и Гачева, не является исчерпывающим, и его целесообразно расширять, поскольку проблема фиксации устойчивой и общепринятой матрицы, позволяющей изучать и систематизировать данные гештальты, а также осуществлять их сравнительный анализ, в настоящий момент окончательно не решена.

Рассмотренные грани научного наследия О. Шпенглера, во многом оттененные упрощенными трактовками его основного труда, а также Г.Д. Гачева, в отношении работ которого зачастую превалируют поверхностные оценки, раскрывают серьезную проблему, связанную с предметной локализацией гештальткультуры, фиксацией ее направлений и идентификацией представителей. Дело в том, что отмеченная сфера знания принципиально междисциплинарна, ее природа связана со многими науками, каждая из которых по отдельности такую область полноценно разрабатывать не сможет. Кроме того, рассматриваемая область сопоставима с одним из проблемных блоков современных *cultural studies*, не заостряющих внимание на «чистоте» дисциплинарной организованности науки и вызывающих интерес у представителей самых разных областей знания. В результате для представителей дисциплинарной науки исследователи, занимающиеся данной проблематикой на уровне ее междисциплинарной генерализации, порой оказываются в роли самобытных ученых, пользующихся специфическими подходами и говорящих на оригинальном языке вводимых ими понятий, метафор и аналогий. Основная критика данных исследований связана с выбором критериев верификации и «чистотой эксперимента». Например, Шпенглер фиксировал «душу» культур, указывая, что античной культуре свойственна «аполлоническая» душа,

западноевропейской – «фаустовская», арабам – «магическая» и т.д. В свою очередь, Гачев говорил о своих работах как об «интеллектуальных путешествиях» ученого, творящего в стиле «вольного любомудра». Разумеется, данный уровень познания во многом выстраивается на интуиции, аналогиях и статистических методах обоснования, однако научный авторитет, компетентность и эрудиция представленных ученых заслуживают научного доверия.

Характеризуя предметную сферу гештальткультуралогии, необходимо коснуться вопроса изучения «многослойных» артефактов, несущих на себе «патину времени» и следы воздействия разных периодов истории, включая материальную и нематериальную стороны. Такие артефакты представляют собой своеобразные *историко-культурные гештальты*, звучащие в едином ансамбле их исторических наслоений и состояний, а также смысловой и воображаемой ауры. Имея достаточно сложную структуру, подобные памятники нуждаются в особых теоретико-методологических основаниях для их изучения, а также в специфических практиках сохранения, реставрации и экспонирования. В рамках культуралогии различные аспекты данной проблематики разрабатываются многими исследователями. В частности, изучению основных теоретико-методологических подходов, применимых к анализу «многослойных» артефактов, посвящены работы А.В. Бондарева, И.В. Леонова, Л.Е. Филипповой-Стоян [18]; на уровне изучения отдельных типов артефактов, в частности дворцово-парковых ансамблей, данное направление исследований реализуется в работах Л.В. Никифоровой [19–21]; анализ комплекса нематериальных структур сложных артефактов содержится в трудах Н.Н. Суворова [22] и т.д.

Кроме того, в рассмотрении вопроса концептуализации и развития гештальткультуралогии следует затронуть области знания, имеющие с ней явные предметные пересечения. Речь идет об исследованиях, авторы которых касаются проблематики когнитивных гештальтов, бытующих в крупных коллективах, начиная с уровня различных сообществ и заканчивая целыми культурами. Одним из таких авторов, обосновавших проблему гештальт-исследований в философии науки, является Т. Кун.

Широкому кругу исследователей Кун известен как автор концепции развития науки посредством сменяющих друг друга парадигм. Интерес представляет то, что парадигмы напрямую сопоставляются философом с гештальтами. В данном случае Кун неоднократно ссылается на достижения гештальтпсихологии, в частности на разработки в сфере распознавания двойственных визуальных образов. Примечательно, что по аналогии с такими образами Томас Кун, полемизируя с Карлом Поппером о разных взглядах на природу и историю науки, отмечает, что там, где сэр Карл видит утку, он видит кролика [23. С. 543]. Парадигмы, будучи гештальтами реальности, достаточно трудно сопоставлять, поскольку их природа отличается принципиально разными способами восприятия изучаемых объектов. Из этого Кун заключает, что в рамках одной парадигмы видеть реальность по-другому просто невозможно, тем более – работать в рамках двух парадигм одновременно. Смену парадигм Кун соотносит с их устареванием, ведущим к гештальт-переключениям [Там же. С. 164] или «научным революциям», меняющим «кролика на утку».

По аналогии с представленной теорией можно интерпретировать процессы создания, сосуществования и смены различных мировоззрений, наблюдаемые в ходе истории культуры, что позволяет представить различные картины мира как частично схожие или принципиально различающиеся друг от друга гештальты реальности [24, 25]. Данный подход в некоторой степени близок к эпистемологическому анархизму П. Фейерабенда, полагавшего, что любая познавательная практика, позволяющая ее создателям взаимодействовать с реальностью, может считаться для них «истинной» и заслуживающей права на существование. Эта точка зрения во многом обосновывает множественность картин мира, созданных человечеством на протяжении истории и представляющих реальность в виде плоской Земли под хрустальным куполом неба и покоящейся на трех китах или черепахе; геоцентрической системы, где Солнце и планеты вращаются вокруг Земли; в виде мира, находящегося во внутренней полости сферы или яйца; мира, рожденного Большим взрывом 14 млрд лет назад; реальности, где существуют домовые, лешие и кикиморы, и т.д.

Среди других исследований и направлений, затрагивающих «проблемное поле» гештальткультурологии, уместно упомянуть работы П.А. Сорокина, в которых автор изучает различные типы ментальности и особенности их отражения во многих сферах культуры. К таковым типам относятся: идеациональная ментальность, ориентированная на потусторонний мир; чувственная ментальность, связанная с миром реальным; идеалистическая и эклектичная ментальности, отражающие соответственно гармоничное и химеричное сочетания первых двух типов. Необходимо указать, что ментальность в интерпретации Сорокина вполне сопоставима с гештальтом, обладающим внутренней логикой и определенным образом преломляющим мир в сознании представителей той или иной культуры. К примеру, в идеациональной культуре, мироощущение которой основано на сверхчувственном и сверхразумном постижении Абсолюта, «...1) реальность понимается как не воспринимаемое чувственно, нематериальное, непреходящее Бытие (Sein); 2) цели и потребности в основном духовные; 3) степень их удовлетворения – максимальная и на высочайшем уровне; 4) способом их удовлетворения или реализации является добровольная минимизация большинства физических потребностей...» [26. С. 48]. В рассматриваемом аспекте показательны исследования российского культуролога Н.А. Хренова, который, опираясь на сорокинские ритмики циклического изменения ментальности, соотносит с ними историю искусства, раскрывая явные корреляции между репрезентациями реальности в искусстве схожих ментальных типов [27. С. 381–392]. Так, в идеациональных культурах искусство отражает мир преимущественно в символах, неся большую информационную нагрузку, ориентируясь на строгий канон, используя «чистый» цвет, изобразительную двухмерность, монументальные формы и т.д.

Кроме того, в анализе рассматриваемой исследовательской области несомненного внимания заслуживает культурно-историческая психология, связанная с именем Л.С. Выготского и представителей его круга, в частности А.Р. Лурии, а также с авторами, продолжившими данные разработки в России и за рубежом. Речь идет о положении, согласно которому представители различных культур, реализуя общие познавательные способности, закрепленные

на видовом уровне, вырабатывают специфические акценты восприятия и системы мышления, особым образом «преломляющие» реальность. Например, изучению данного вопроса посвящены работы Р. Нисбетта, часть из которых написана в соавторстве с его идейными сторонниками и учениками. В частности, Р. Нисбетт пишет: «...представители радикально отличающихся культур, с рождения обучающиеся разным мировоззрениям и мыслительным навыкам, будут еще более сильно различаться по своим когнитивным процессам» [28. С. 7]. На этом основании ученый заключает: «...значительные социальные различия, которые существуют между культурами, влияют не только на конкретные представления об окружающем мире, характерные для носителей этих культур, но также, во-первых, на их обыденные метафизические системы более глубокого уровня; во-вторых, на имплицитные эпистемологии; в-третьих, на саму природу их когнитивных процессов (способы, с помощью которых они познают мир)» [Там же. С. 7–8].

Помимо названных авторов, данная проблематика анализируется в работах М. Коула и С. Скрибнер, которые, в первую очередь, исходят из то, что на уровне сущностных характеристик познания наличие различий между представителями культур маловероятно [29. С. 236], однако ориентируются на то, что социальные и культурные факторы играют важную роль в определении того, какие из возможных альтернативных процессов (например, зрительное представление или вербальное) активизируются в определенных познавательных ситуациях и какую роль они выполняют в их результатах [Там же. С. 236–237]. Работая в данной сфере, авторы пришли к обоснованию целого ряда зависимостей специфики когнитивных навыков представителей разных культур от адаптивных ситуаций, в которых они находятся [30].

Также обращает на себя внимание научное направление, получившее название «культурно-интеллектуальная история», характеризую которое, один из его разработчиков Л.П. Репина отмечает, что сфера интересов интеллектуальной истории направлена на изучение творческого мышления и новаторских идей интеллектуалов, но, кроме того, она распространяется «...на проблематику культуры в ее антропологическом понимании, на категории сознания, мифы, символы, языки, в которых люди осмысливают свою жизнь» [31. С. 4]. Можно вести речь о том, что представленная научная сфера изучает своеобразные интеллектуальные «призмы» или гештальты представителей разных культур и периодов истории. Здесь же необходимо указать на когнитивную культураологию, представителями которой являются Е.Я. Режабек, А.А. Филатова и другие исследователи. В рамках данного направления поднимаются вопросы взаимосвязи культуры и когнитивных процессов, изучаются их эволюция и основные формы, в том числе мировоззренческие. Наконец, следует обозначить теорию сознания, нейронауку, психолингвистику и семиотику, которые также касаются вопросов когнитивного преломления реальности в мозге человека.

Исходя из того, что «культураология как самостоятельная область исследований формируется в то время, когда наука, вступившая в постнеклассический этап развития, конституируется не столько жестко выстроенной дисциплинарностью, сколько единством проблемного поля и наличием соответствующей методологии познания» [32. С. 47], перечисление направлений, так или иначе имеющих с гештальткультураологией точки пересечения и

«притяжения», можно продолжить. Однако названного вполне достаточно, чтобы очертить контуры данной исследовательской области, изучение которой, несомненно, актуально и перспективно в плане сохранения и воспроизводства традиционных гештальтов, а также в рамках современного взаимодействия культур и проблемы построения диалога между ними. Здесь же уместно указать на то, что в наши дни мир переживает коренную ломку устойчивых способов познания мира, включая конкурирующие между собой формы научной рациональности. И на этом фоне учет некоторой относительности различных познавательных практик реальности, а также их изучение, выглядят достаточно аргументированными [33. С. 44–51]. Кроме того, особый научный вес рассмотренному направлению исследований придает то, что оно имеет явное соответствие наиболее актуальному на сегодняшний день направлению российской культурологии – *исторической культурологии*, конституируемой идеей региональных онтологий (плюрализмом уникальных бытийных горизонтов) [32. С. 51–53].

В завершение необходимо указать на одно важное обстоятельство, а именно на проблему перевода термина «гештальт» на русский язык посредством использования одного слова, в первую очередь, «образ», «форма» и т.п. Данные переводы ведут к утрате весомой части смысловой нагрузки «гештальта», порой полностью искажая исходный смысл переводимых текстов. Поэтому вполне оправдано использование немецкого слова гештальт в обозначении изучаемых феноменов и области исследований без перевода.

Литература

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М. : Эксмо, 2006. 800 с.
2. Забулюните А.-К.И. Понятие «тип» в морфологии культур О. Шпенглера в перспективе современной гносеологической мысли // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 4 (20). С. 16–32.
3. Иконникова С.Н. История культурологических теорий. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Питер, 2003. 474 с.
4. Гете И.-В. Избранные сочинения по естествознанию / пер. и коммент. И.И. Канаева; ред. Е.Н. Павловского. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. 556 с.
5. Goethe J.-W. Zur Morphologie. Erster Band. Stuttgart ; Tübingen : in der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1817. xxxii, 549 S.
6. Павловский И. Полный немецко-русский словарь: в 2 ч. Первая часть: А–J / составленъ Иваномъ Павловскимъ, Лекторомъ Русскаго языка при Императорскомъ Дерптскомъ Университетѣ. Рига : Изданіе книгопродавца Н. Киммеля, 1856. xx, 704 с.
7. Weir E. Cassell's new German Dictionary. In two parts. German – English – English – German. Ninetieth thousand. London ; Paris ; Melbourne : Cassel and Company Limited, 1894. xiv, 1112 p.
8. Ehrenfels Ch. Ueber «Gestaltqualitäten» // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie / unter Mitwirkung von Max Heinze und Wilhelm Wundt; herausgegeben von Richard Avenarius. Vierzehnter Jahrgang. Leipzig : O.R. Reiland, 1890. S. 249–292.
9. Берштеймер М. О гештальттеории // История психологии (10–30-е гг. Период открытого кризиса) / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. 2-е изд., доп. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 144–159.
10. Koktanek A.M. Oswald Spengler in seiner Zeit. München : Verlag C.H. Beck, 1968. xxx, 527 S.
11. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология XX век: сб. ст. / пер. с нем. А.М. Руткевича. М. : Юристъ, 1995. С. 454–494.
12. Spengler O. Briefe, 1913–1936. München : Verlag C.H. Beck, 1963. 818 S.

13. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2: Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М. : Мысль, 1998. 606 с.
14. Spengler O. Urfragen: Fragmente aus dem Nachlass. Unter Mitwirkung von Manfred Schröter / Herausgegeben von Anton Mirko Koktanek. München : Verlag C.H. Beck, 1965. 520 S.
15. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М. : Академический Проект, 2007. 511 с.
16. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М. : Алгоритм : Эксмо, 2008. 544 с.
17. Маковский М.М. Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов. М.: [б. и.], 1996. 330 с.
18. Леонов И.В., Филиппова-Стоян Л.Е. Историко-культурные структуры артефактов: методы изучения, критерии идентификации и практики сохранения // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 103–117.
19. Никифорова Л.В. Дворец в истории русской культуры: Опыт типологии. СПб. : Астерион, 2006. 346 с.
20. Никифорова Л.В. Современные подходы к исследованию дворцов как памятников истории и культуры // Дворцы Романовых как памятники истории и культуры: материалы междунар. конф., Санкт-Петербург – Царское Село – Петергоф, 7–9 октября 2013 г. СПб. : Европейский Дом, 2015. С. 13–21.
21. Никифорова Л.В. Чертоги власти: Дворец в пространстве культуры. СПб. : Искусство-СПб, 2011. 703 с.
22. Суворов Н.Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 4 (33). С. 76–80.
23. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетов, В.Н. Порус, А.Л. Никифоров, О.А. Балла; сост. В.Ю. Кузнецов. М. : АСТ, 2003. 605 с.
24. Леонов И.В. «Миры» макроистории: идеи, паттерны, гештальты. СПб. : Астерион, 2013. 210 с.
25. Леонов И.В. Мировоззренческие основания многообразия гештальтов историко-культурного процесса // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 210. С. 61–79.
26. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В.В. Сапова. СПб. : РХГИ, 2000. 1054 с.
27. Хренов Н.А. Между линейным и циклическим принципом: история искусства в ракурсе социодинамики П. Сорокина // Культура и искусство. 2014. № 4. С. 381–392.
28. Нисбетт Р., Пенз К., Чой И. и др. Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания / пер. с англ. М.С. Жамкочьян; под ред. В.С. Магуна. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2001. 68 с.
29. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк / пер. с англ. П. Тульвисте; под ред. и с предисл. А.Р. Лурия. М. : Прогресс, 1977. 262 с.
30. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего: пер. с англ. М. : Когито-Центр, Институт психологии РАН, 1997. 432 с.
31. Ретина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) / Препринт WP6/2003/07. М. : ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
32. Забулионите А.-К.И., Коробейникова Л.А. Онтология целостности в проекте российской культурологии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 47–60.
33. Забулионите А.-К.И., Коробейникова Л.А. Реинтерпретация ценностей современной культуры // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 27. С. 44–56.

Ivan V. Leonov, St. Petersburg State Institute of Culture.

E-mail: ivaleon@mail.ru

Vaida L. Soloveva, Herzen State Pedagogical University.

E-mail: timfko@yandex.ru

David Hallbeck, Ludwig Maximilian University of Munich.

E-mail: dh@hallbeck.eu

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2020, 40, pp. 92–107.

DOI: 10.17223/2220836/40/8

“GESTALT CULTUROLOGY”: CONCEPTUALIZATION, DISCIPLINARY STATUS AND HISTORY OF RESEARCH

Keywords: gestalt; gestalt culturology; gestalt psychology; cultural organism; national images of the world; cognitive researches; cultural-intellectual history.

The article is devoted to the delineation of the subject framework and conceptualization of gestalt culturology as an independent scientific direction, that can unite many spheres of knowledge, including theories that have no clearly expressed disciplinary status, or are characterized as “distinctive” and “original”. The basis of this direction are proceedings of O. Spengler, oriented to the organic approach of Goethe, in which the problem of peculiarities of perception and uniqueness of representations of reality within separate cultures is put as core. Developing this problem, Spengler carried out a detailed and thorough analysis of gestalts of the world of various “cultural organisms”, devoting the greatest part of the “The decline of the West”. Also considered as fundamental the work of H. von Ehrenfels, which became a kind of foundation for the formation of gestalt psychology. Special attention is paid to the works of G.D. Gachev, who worked in Spengler’s tradition and created a series of books devoted to the disclosure of the specifics of the “national images of the world”. The basic parameters of the invariant of the world images, allowing to compare gestalts, born in the space of different cultures, are designated. The text raises the question of interrelations between psychology and culturology in the field of Gestalt-researchers. The specificity of their subject frameworks and intersection points, making cooperation of these sciences in the study area prospective, are shown. Attention is paid to the sphere of exploration of “multilayered” artifacts, material structures and “semantic aura” of which reflect signs of influence of many periods of history. These complex monuments appear as a kind of historical and cultural gestalts that require special methods of study, conservation practices, restoration and exhibiting. The works of T. Kuhn in the field of philosophy of science, the essential aspects of which are based on the understanding of paradigms as a kind of gestalts, in a special way “refractive” reality for the scientific community, are touched upon. The text considers several author’s concepts and basic scientific spheres, intersecting with the subject field of gestalt culturology, among which is distinguished the theory of sociocultural dynamics of P.A. Sorokin, engaged in the analysis of mental structures of different types of culture; cultural-historical psychology, including a whole range of researchers in this field; cultural-intellectual history; cognitive culturology, etc. Attention is paid to the prospects for the development of gestalt culturology in modern science. The text outlines the problem of an adequate translation into Russian of the scientific term “gestalt”, what makes, in fact, all attempts to monosyllabic translation of this term insufficient.

References

1. Spengler, O. (2006) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History]. Translated from German by K.A. Svasyan. Moscow: Eksmo.
2. Zabulionite, A.-K.I. (2009) Ponyatie “tip” v morfologii kul’tur O. Shpenglera v perspektive sovremennoy gnoseologicheskoy mysli [The concept of “type” in the morphology of cultures by O. Spengler in the perspective of modern epistemological thought]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura – Ethnosocium and Multinational Society*. 4(20). pp. 16–32.
3. Ikonnikova, S.N. (2003) *Istoriya kul'turologicheskikh teoriy* [History of Culturological Theories]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
4. Goethe, J.-W. (1957) *Izbrannye sochineniya po estestvoznaniyu* [Selected works on natural science]. Translated from German by I.I. Kanaev. Leningrad: USSR AS.
5. Goethe, J.-W. (1817) *Zur Morphologie*. Vol. 1. Stuttgart; Tübingen : in der J.G. Cotta'schen Buchhandlung.
6. Pavlovsky, I. (1856) *Polnyy nrmetsko-russkiy slovar': v 2 ch.* [Complete German-Russian Dictionary. In 2 parts]. Vol. 1. Riga: N. Kimmel.
7. Weir, E. (1894) *Cassell's New German Dictionary*. London; Paris; Melbourne: Cassel and Company Limited.
8. Ehrenfels, Ch. (1890) Ueber “Gestaltqualitäten”. In: Avenarius, R. (ed.) *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie*. Leipzig: O.R. Reisland. pp. 249–292.
9. Wertheimer, M. (1992) O geshtal'teorii [On gestalt theory]. In: Galperin, P.Ya. & Zhdan, A.N. (eds) *Istoriya psikhologii (10–30-e gg. Period otkrytogo krizisa)* [History of Psychology (The period of open crisis)]. 2nd ed. Moscow: Moscow State University. pp. 144–159.
10. Koktanek, A.M. (1968) *Oswald Spengler in seiner Zeit*. Munich: C.H. Beck.
11. Spengler, O. (1995) Chelovek i tekhnika [Man and technology]. In: Lebit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya XX vek* [Cultural Studies of the 20th Century]. Translated from German by A.M. Rutkevich Moscow: Yurist". pp. 454–494.

